

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#7.

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

**ПОМНИТЕ:
СЕКСУАЛЬНОЕ
НАСИЛИЕ
НИКОГДА НЕ
ЯВЛЯЕТСЯ
ЕДИНСТВЕННЫМ
АСПЕКТОМ
ИСТОРИИ**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#7.

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

ПОМНИТЕ: СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ АСПЕКТОМ ИСТОРИИ

Слишком прицельное внимание только к эпизодам жестокости может навредить вашим источникам и качеству журналистского материала. Не забывайте о более полном контексте!

Перед лицом таких чудовищных преступлений, как массовые изнасилования во время войны или сексуальная эксплуатация, может показаться естественным сфокусироваться на сексуальном насилии и причиненном им вреде. Но отсутствие более широкого контекста может обеднить ваш репортаж, оттолкнуть читателей и маргинализировать пострадавших перед аудиторией. Привнести более широкий контекст в репортаж можно следующими способами:

- Дайте развернутый рассказ о жизни пострадавших. Будьте осторожны, не предрекайте катастроф и не сводите свой рассказ о людях к самому ужасному из того, что с ними произошло. Это может осложнить процесс их реабилитации.
- Подумайте о том, что, помимо изнасилования, могли быть и другие преступления. Пострадавшие могли потерять близких, лишиться крова или стать вынужденными переселенцами. Подобные события для людей также значимы.
- Избегайте чрезмерного внимания к деталям, которые могут сексуализировать историю, придать ей сенсационный характер и потенциально снизить сочувствие к пострадавшим.
- Помогите своей аудитории увидеть пути потенциальных решений проблемы, учитывая весь политический и социальный контекст.

Мы часто не осознаем, как сильно наша работа может сказаться на жизни пострадавших и даже повлиять на их выздоровление.

CRSV ассоциируется с высоким уровнем психологических и физических травм. Последствия сексуальной травмы обычно приносят с собой сильное чувство разобщенности, когда люди чувствуют себя отделенными от самих себя – тех, которым они были до того, как все это произошло, – и от других. В результате того, что CRSV может привести к разрыву связей с окружающими, пострадавшие могут оказаться в изоляции и лишиться возможности получить поддержку.

С другой стороны, выздоровление в значительной степени похоже на обратную ситуацию. Оно происходит через восстановление связей, когда люди верят, что другие снова могут заботиться о них и уважать их, как и раньше.

В наши обязанности как работников СМИ не входит исцеление людей, и было бы неразумно и самонадеянно предполагать, что наша работа напрямую поддержит пострадавших; но мы должны

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

заботиться о том, чтобы не усугублять это чувство разъединения. Jina Moore, американская журналистка, работающая в Восточной Африке, говорит об этом так:

«Мы должны убедиться, что в истории, которую мы опубликуем – через несколько дней, через несколько месяцев, через год после произошедшего – нет ничего, что могло бы удивить, смутить, пристыдить или подвергнуть опасности... Мы выверяем детали травмирующей истории вместе с пострадавшими, чтобы убедиться, что они понимают: о них вскоре узнает весь мир»^[a].

Ключевую роль здесь играют и те послы, которые мы передаем аудитории. Повсеместно обсуждение сексуальной травмы сопровождается мифами, стигмой и вредными стереотипами. Мы можем либо укрепить, либо развенчать их: журналисты и документалисты не являются здесь нейтральными сторонними наблюдателями.

Вот почему крайне важно иметь более полное представление о политическом, экономическом и культурном контексте конфликта.

Опасность заблудиться в поворотах истории

CRSV проявляется в различных формах, но больше всего поражает в этом преступлении его абсолютная жестокость. Как документалист или журналист, работающий над этой темой, вы вполне можете испытывать сильное и вполне понятное желание шокировать аудиторию худшим из того, что узнали, – в надежде, что это их разбудит.

Но опасность заключается в том, что это может привести к обратному результату. Слишком большое внимание к ужасам и деталям сексуального насилия может заставить аудиторию отключиться, что может уменьшить сочувствие к людям, пострадавшим от CRSV. Если вы не предоставите достаточно содержательной информации, аудитория не поймет природы этих преступлений и того, что за ними стоит.

От Stephanie Kariuki, работающей над подкастом для Vice, где обсуждалось сексуальное насилие в Египте и неоднозначная роль правительства в его сохранении, подобные решения требовали повышенной взвешенности:

«Было много дискуссий о том, насколько детально надо освещать эту историю. Зачем мы приводим подробности, действительно ли они необходимы? В случае с одной женщиной судмедэксперты заставили ее в обнаженном виде принимать различные позы, повторяющие сцену насилия, и неоднократно осматривали ее влагалище. Окончательная аудиозапись, которую мы использовали, была откровенно шокирующей. Но причина, по которой мы вдаемся в такие подробности, заключается в том, что осмотр, через который она прошла, символизирует то, что государство делало с женщинами на протяжении десятилетий»^[b].

Действительно, эффективное освещение травмы требует понимания того, как сбалансировать ряд аспектов, которые противоречат друг другу. Например:

- **Насколько это касается вреда, беспомощности и потери контроля, которые приносит в жизнь людей CRSV? Насколько это о сопротивлении и восстановлении – о том, что потребовалось и продолжает требоваться, чтобы выжить?**

Какой бы мрачной и безрадостной ни казалась ситуация, в жизни пострадавших есть и положительные моменты. Отображение только ужаса и бессилия по отношению к людям не может быть ни точным, ни полезным.

- **Насколько правильно объясняет ситуацию индивидуальный пример конкретного человека и насколько – более широкий политический и социальный контекст?**

Если вы не уделите достаточно внимания более широкому контексту, материал при всей его

[a] Jina Moore: [The Pornography Trap](#).

[b] Для этого Kariuki приняла участие в нашем исследовании.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

непостижимости и тревожности рискует стать просто рассказом о человеке – без реальной цели и информации для аудитории о том, что на самом деле происходит и какие могут быть варианты решений. CRSV не возникает в вакууме: тема «изнасилование на войне» не может быть понятна без объяснения, какие силы движут конфликтом.

Однако и слишком незначительное внимание к отдельным людям и их личным обстоятельствам рискует быть истолковано как неуважение, как будто история человека была включена в публикацию только для иллюстрации конкретных статистических данных.

Как найти золотую середину?

Каждый конкретный случай требует самостоятельного решения в плане сбалансированности подачи материала. Четкое понимание этого часто осложняется тем, что насилие может оказывать завораживающее воздействие и уводить нас туда, где все остальное кажется неважным. Угрожающая, травмирующая информация зачастую способствует упрощенному восприятию неоднозначного события: очень легко застрять на деталях или в ограниченном взгляде на историю.

Вот краткий список вопросов, который следует учитывать при создании текста или аудиовизуального материала:

- Не зашла ли история слишком далеко в описании откровенно шокирующих подробностей физического или интимного характера?
- Есть ли в материале упоминания о теле человека, внешности, одежде и так далее, которые рискуют сексуализировать описание (и даже непреднамеренно оправдать мотивы насилия)?
- Предрекает ли материал будущую гибель человека или группы людей? Как бы мрачно ни выглядела ситуация, неточно и предвзято предполагать, что спасение невозможно. (Если вам трудно увидеть что-то, помимо мрака, постарайтесь разглядеть личности в людях, переживших насилие. Откуда они черпают мужество и поддержку?)
- Возможно, вы слишком отклоняетесь в противоположную сторону и приносите тон ложного оптимизма, искусственно рисуя более радужную картину реально безысходной ситуации? Помимо очевидной проблемы с точностью, журналистика, преувеличивающая возможности, может оттолкнуть тех, кто не узнает свои жизненные обстоятельства в описании.
- Если в материале звучат голоса двух сторон – и насильников, и пострадавших, – есть ли в трактовке произошедшего нечто ставящее во главу угла точку зрения насильников или преувеличивающее их силу? (Соблюсти правильный баланс в одном материале в этом случае может быть сложно. Разделение этих голосов по отдельным репортажам может быть наиболее простым решением);
- Не сосредоточен ли ваш рассказ на изнасиловании в отрыве от других травм, которые люди испытывают во время конфликта? Люди могли видеть, как убивают их родственников, потерять свои дома и средства к существованию. Они могут быть беженцами, которые с трудом пытаются построить новую жизнь. Все эти вещи имеют значение для людей, и пострадавшие могут не понять, почему журналисты уделяют внимание только одному аспекту их трагедии.

Верстка и выпуск материала: заметки для редактора

То, как сверстана история под выпуск, какой выбран заголовок, какие подписи к фотографиям, снимки, используемые для продвижения фильма, резюме, подача в социальных сетях, – все это может оказать огромное влияние на восприятие истории и ее влияние на участников.

Одна из явных опасностей заключается в сексуализации истории, превращении ее в сенсацию, которая искажает реальный контекст. При сексуальном насилии половой акт может иметь место,

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

но эти истории не имеют ничего общего с нормальными половыми отношениями.

Такие термины, как «секс-рабыни», являются эротизированно-вуайеристскими и рискуют превратить описание насилия в развлечение; для таких выражений, как «малолетние невесты», лучше использовать описательные формулировки – например, «похищение несовершеннолетних и сексуальное насилие над ними»; женщина, которую заставили заниматься проституцией, не является «подружкой» преступника.

Ниже Jineth Bedoya, которая много писала о CRSV в Латинской Америке, описывает, как модели сексуального насилия, совершаемые военизированными формированиями, маскируются за неуместными и устаревшими формулировками:

«Мы проводили активную кампанию в СМИ, чтобы перестать говорить о так называемых «преступлениях страсти» (‘crimes of passion’) в случаях, когда журналисты на самом деле имеют в виду изнасилования или убийства женщин.

Общество до сих пор считает, что изнасилование связано с сексуальной провокацией, которую женщина намеренно совершает по отношению к своей «жертве». Отсюда и «страсть».

Но на самом деле провокацией здесь является сама идея, содержащаяся в такого рода журналистских материалах, – что подобные преступления совершаются во имя «любви».

На многих судебных процессах я слышала, как мужчины, совершившие изнасилование, оправдывали себя именно этим аргументом. Они заявляли, что подвергли женщин сексуальному насилию или убили, потому что «любили» их».

Имейте в виду, что представление об изнасиловании как о неизбежном последствии войны — это миф. Помимо того, что изнасилование является наказуемым военным преступлением, исследования показывают, что оно распространено не во всех конфликтах, даже если в них участвуют нерегулярные формирования.^[c]

Подумайте, не нужно ли обновить ваше внутреннее редакционное руководство по используемой терминологии и стилю, чтобы отразить эти вопросы? Для переживших сексуальное насилие людей, которые читают или смотрят ваш материал, указывайте ссылки на полезные ресурсы и информацию об организациях, занимающихся оказанием поддержки.

Дополнительные ресурсы

В статье [The Pornography Trap](#) Jina Moore рассказала о трудностях, связанных с правильным выбором лексики. В [этом материале](#), подготовленном Chicago Taskforce on Violence Against Girls & Young Women, обсуждаются вопросы освещения сексуального насилия в целом, а также есть раздел, посвященный использованию корректного языка. Эта [памятка](#) от National Sexual Violence Resource Center также затрагивает все формы сексуального насилия в США и не посвящена исключительно CRSV. Тем не менее она иллюстрирует преимущества использования статистических данных в связке с контекстом. На сайте Dart Centre [Nina Berman](#) размышляет о важности контекста и о том, как сделать правильный визуальный выбор; все это более подробно рассматривается в следующем разделе.

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

[c] Carlo Koos (2017) Sexual violence in armed conflicts: research progress and remaining gaps, Third World Quarterly (доступно [здесь](#)).